

Из цикла «Колымские рассказы»

Могила шамана Мельгейвача

Это было в далёких 70-х годах прошлого века. Я в то время работал управляющим Колымского отделения совхоза «Нижнеколымский» в Якутии. Под моим попечением в семи стадах находилось 17 000 оленей основного поголовья. Это были племенные олени породы «харгин», отличающиеся от других арктических видов оленей тёмной шерстью и способностью быстро набирать вес в летне-осенний период на обширных травяных пастбищах побережья Северного Ледовитого океана, где нет кровожадных комаров и где изобилие морской солёной воды, способствующей нагулу животных.

Эта порода формировалась многовековым трудом потомственных чукотских оленеводов. В народе оленей «харгин» попросту называют «чукотскими свиньями». Толщина подкожного жира на спине у отдельных особей достигает «четырёх пальцев», т. е. более 5 сантиметров.

Эти олени низкорослые, довольно упитанные и не отличаются резвостью, поэтому малопригодны как беговые олени.

Ранее, несколько лет работая бригадиром трёх комсомольско-молодёжных оленеводческих коллективов, видел, как трудно оленеводам в августовский период обилия грибов удерживать стадо и не допускать потерь.

Это самая горячая пора для оленеводов. В это время олени словно чумеют.

В поисках любимого лакомства начинают разбредаться по всей тундре, и оленеводы непрерывно бегают по заочкаренной местности со своими пастушескими собаками, пытаясь собрать стадо в одну кучу.

А тут ещё подстерегает другая опасность — осенью начинается миграция диких оленей, которых насчитывается на Колыме более 45 тысяч и которые настырно стараются отбить от совхозного стада как можно больше самочек. Они бесстрашно несутся на домашних оленей и буквально игнорируют пастухов. Их даже не останавливают смертоносные выстрелы из карабина. Несколько раз я сам видел, как дикие самцы грудью отжимали от домашних

олений самок и если те упирались, то своими большими рогами просто били их и отгоняли от стада.

Опытные оленеводы, увидев приближающихся диких оленей, сломя голову бегут со страшными криками к домашним оленям и начинают гонять их по кругу, стреляя в воздух из ружей. «Дикари» как правило обходят такое «сумасшедшее» стадо стороной.

Нет, есть, конечно, у оленеводов свои «ездовые» олени. Но они не так выносливы, как их лесные собратья, быстро выдыхаются под наездником и не способны к быстрому поиску потерявшихся собратьев, потому используются в основном для перекочёвок.

В результате возрастает число потерь, а это остро сказывается на производственных показателях в оленеводстве и, естественно, снижает рентабельность этой высокодоходной отрасли.

Проанализировав сложившуюся ситуацию, вместе с зоотехником по оленеводству В. Рожиным для окарауливания и сохранности оленьих стад, мы решили приобрести в соседнем совхозе «Среднеколымский» лошадей якутской породы, которые неприхотливы к суровой погоде Арктики и всю зиму из-под глубокого снега сами добывают себе траву — «копытят». Морозные зимы они переносят стойко, имея тёплый мех с густым подпушьем, основу которого составляет мягкий остевой волос, посередине которого, как у оленей, имеется воздушный канал, удерживающий тепло тела животного.

Лошади очень выносливые. В условиях болотистой тундры, гружёные вьюками до 150 килограмм способны проходить за сутки до 70 км. В этом я неоднократно убеждался сам, совершая на этих непревзойдённых лошадаках длительные переходы.

... Весной по последнему снегу на двух тракторах с санями с деревянными загородками, устланными толстым слоем сена, чтобы не повредить животных, мы привезли из Среднеколымска в село Колымское 19 разномастных лошадей.

Гарем из 18 кобылиц возглавлял красивый белый жеребец, отличавшийся свирепостью и горячностью. Попутно, после долгих переговоров, мы прихватили из кладовых совхоза 20 кавалерийских седел с уздечками.

К нашему великому сожалению, в соседнем совхозе не удалось достать обученных лошадей, и нам продали диких животных, несколько лет гулявших на свободе в чистом поле, которых загнали

в деревянную изгородь и затем погрузили на наши тракторные сани и таким образом доставили к нам.

С большим трудом в течение дня мы разгружали этих «дикарей», то встающих на дыбы, то падающих на спину, старающихся лягнуть, укусить своими страшными зубами и всем своим видом показывающих, как они нас ненавидят за то, что мы лишили их вольной жизни.

Привязав лошадей прочными верёвками к деревянной изгороди, мы с Володей, смертельно уставшие, мы пошли спать и сразу провалились в глубокий сон.

Назавтра выяснилось, что никто в селе никогда не обучал диких лошадей.

... Небольшое село Колымское, расположенное в 120 км. от районного центра посёлка Черский, на красивом берегу реки Колымы, состояло в основном из чукотского населения, которые когда-то, ещё до революции, прикочевали со своими оленями с далёкой Чукотки. В книге знаменитого мореплавателя Ф. Врангеля: «Путешествие по Сибири и Ледовитому морю» ещё в 1820 г. описывалось село Нижне-Колымск, где Врангель прожил 4 года, которое состояло всего из нескольких домов и находилось ниже нашего села по Колыме. В нём жило несколько русских казаков, основным занятием которых была рыбалка и охотпромысел.

Воинственные чукчи, в то время обитавшие в тундровой зоне рек Малой и Большой Чукочьей, занимались оленеводством и были из рода чуванцев.

Более 150 лет они не платили ясак русскому царю и единственные в Арктике так и не подчинились сибирским казакам. Я проработал вместе с ними более 7 лет, подружился с ними и полюбил их за их честность, доброту, гостеприимство и обострённое чувство справедливости. Многому у них научился, но самое главное — это любви к природе и людям.

В оленеводстве они — профессора своего дела, лучше их никто не знает оленей, их физиологию, особенности развития и поведения.

Это очень добрый и умный народ!

После революции 1917 года большевики насильно национализировали их имущество и оленей и создали оленеводческий колхоз «Турваургин» (русский перевод — «Товарищ»), а в 1950-е при

организации совхозов в Якутии его переименовали в совхоз «Нижнеколымский».

Основными производствами нового хозяйства стали оленеводство, охотпромысел, рыболовство и звероводство. Все эти четыре отрасли успешно развивались в нашем Колымском отделении.

В Черском находилась лишь администрация хозяйства, которая периодически наезжала к нам в село и соседнее село Андрюшкино, где содержались эвенская порода оленей для контроля и инструктажа.

... Я позвонил в Среднеколымск, совхозным коневодам, от которых получил краткую инструкцию по обучению якутских лошадей, она состояла из нескольких пунктов и была расписана строго по дням.

В первый день — нужно приучить лошадь к седлу и, чтобы она ослабла, не кормить два дня.

Во второй день — приучить её к тяжести, равной весу человека, для чего в два мешка насыпать равные доли овса и привязать их по обе стороны седла.

На третий день начать приучать лошадь к уздечке, и чтобы она могла идти за человеком, который тянет её за поводья.

На четвёртый день — оседлать лошадь и приучить её слушаться движению поводьев. Для уменьшения травм наездника рекомендовалось объезжать лошадей в местах с глубоким снегом, где животное не может прыгать высоко и резво. **Следовательно, уменьшается риск травмирования наездника.**

По теории вроде всё легко, а вот на практике вышло совсем тяжко. На наши просьбы к своим работникам помочь в обучении диких лошадей, был получен категоричный мотивированный отказ с репликой: «Вы что! Мы жить хотим!»

Гордость и мои казацкие гены не оставили мне пути к отступлению.

В нашей семье любили животных и, чтобы выжить в условиях тоталитарного дефицита продовольствия и низких зарплат, мои дорогие родители держали корову, свиней и кур. Всеобщим любимцем был конь орловской породы по кличке «Карька», на котором я с детства любил скакать по полям и лесным тропинкам, представляя себя лихим кавалеристом. Однажды, когда мне было 14 лет, на проводах «Русской зимы» в Олёкминске принимал на

нем участие в городских скачках, но неудачно. Лошадь, не приученная к шуму толпы на финише, услышав рёв и крики болельщиков, понесла меня мимо финиша прямо на людей, которые успели со страхом разбежаться. Так бесславно закончилась моя карьера жокея, хотя к финишу я шёл первым.

Настроив себя на непростые испытания: «Не боги горшки обжигают!», мы приступили к обучению наших лошадок. Это был «сизифов труд»! Лошади противились всем нашим усилиям, каждая старалась травмировать тебя, и поэтому мы постоянно находились в страшном напряжении. Руки от постоянных чрезмерных нагрузок дико болели. Но мы упрямо стремились к своей конечной цели.

Через несколько адских дней мы с большим трудом приучили лошадей к седлу, к тяжестям и двигаться на поводу. Оставалось малое — оседлать животных и научиться ими управлять.

На мою просьбу: «взять несколько лошадей и приучить их к человеку в седле» мой друг Володя наотрез отказался. Он просто сказал: **«Это же монстры, они просто сбросят меня и затопчут своими огромными копытами. Я их боюсь, и они об этом знают!»**

Действительно, если лошадь видит, что её бояться, она начинает буйствовать, падать на спину, вставать на дыбы и т. д. И тогда становится очень сложно её приручить.

У меня не оставалось другого выхода, как **самому объездить всех 19 лошадей...**

... Наступил четвёртый день обучения наших своенравных лошадок.

... Весна вступила в свои права. Ласково и круглосуточно светило долгожданное полярное солнышко. На южных косогорах всю пробивалась изумрудная травка и кругом разноцветным ковром раскинулось море дивных цветов. Наша матушка природа дальновидно запрограммировала активную жизнь полярных растений. За короткое лето им нужно пройти ускоренную программу выживания и размножения с последующей зимней спячкой. Я всегда удивлялся живучести арктических животных и растений.

Идёшь вечером по серой замшелой тундре, не на чем остановить взгляд. А на завтра не веришь своим глазам — всё вокруг в ярких и сочных красках от обилия цветов. Как будто какой-то та-

лантливый художник за одну ночь своей волшебной кистью нарисовал изумительную и чудесную картину.

И ты немеешь от восхищения перед этой красотой!

... На краю села с северной стороны мы нашли низину, покрытую глубоким снегом, и здесь я впервые в жизни с небольшой кочки запрыгнул на необъезженную лошадь, которая, дико выкатив глаза, понесла меня по снежной целине. Что только она не вытворяла, пытаясь меня сбросить с себя. Я то взлетал вверх, то падал вниз. Такое безумие продолжалось с полчаса. Такого адреналина и драйва я не испытывал никогда в жизни и, видимо, уже никогда не испытаю.

Глубокий снег выполнил свою спасительную миссию. Вскоре лошадь выдохлась и наконец подчинилась мне. Чтобы она привыкла ко мне я ещё около получаса ездил на ней, приучая к поводьям и моему голосу.

... Население оленеводческого села Колымское, прослышав о том, что будут объезжать диких лошадей, гуськом потянулось на край села и с испугом наблюдало за моими проделками. Многие северные жители впервые видели лошадей, смотрели на них с нескрываемым страхом и боялись подойти к ним поближе. Олени, в их представлении, в сравнении с дикими лошадьми были просто ангелами.

Увидев своих односельчан, я как-то сразу приосанился, и во мне появилось какое-то внутреннее чувство удовольствия и ответственности за проводимое мероприятие.

Действительно, всё происходящее походило на цирковое представление. Были чудные лошадки и я — их укротитель. Ареной служила снежная тундра. Вокруг — толпа восторженных зрителей.

И я, как местный укротитель, не мог обмануть их ожиданий.

... На вторую лошадь я вскочил как-то излишне лихо. Не ожидавшая такого нахальства, лошадь стала бешено прыгать и крутиться на одном месте, утаптывая снег для последующих решительных действий. Затем храпя, мгновенно встала на дыбы, до крови кусая железные удила. Кровавая пена изо рта лошади летела во все стороны.

Толпа замерла... Я слишком сильно натянул поводья, и лошадь вместе со мной повалилась на спину. Я благоразумно не вдел ноги

в стремяна, и это меня спасло. Я успел оттолкнуться от крупа лошади, отлетел в сторону и мягко приземлился спиной на снег. Толпа издала крик ужаса...

... Лошадь лишь со второй попытки встала на ноги. Она была мокрая от пота, и вся дрожала от пережитого стресса.

Во мне, видимо, проснулись мои казацкие гены. Каким-то особым шестым чувством я осознал, что нужно, пока лошадь не очухалась, сейчас же её оседлать, иначе потом это не получится сделать из-за её упрямого характера. Я подскочил к лошади и мгновенно снова запрыгнул в седло. Она опять попыталась подняться на дыбы, но я огрел её плёткой по передним ногам, затем стеганул по крупу, и она рывком понесла меня по снежной целине.

Колымское «родео» продолжилось...

... По толпе пронёсся вздох облегчения.

В тот день я объездил пять лошадей. Моё нижнее тёплое китайское белье было мокрое от пота и пережитого волнения, «хоть выжимай». Сил и желания у меня заниматься дальше лошадьми в этот день уже не было.

... Я долго лежал на южном склоне пригорка, свободном от снега, бессмысленно уставив глаза в бездонное голубое небо.

Отдыхал телом и душой...

Назавтра и в последующие дни представление продолжилось. Было уже объезжено 18 кобылиц, оставалось укротить их предводителя, который все эти дни просто свирепствовал на привязи и с ненавистью смотрел на наши манипуляции с его личным гаремом.

Это был мощный крупный жеребец-шестилетка белого окраса, прошедший огни и воды в битве с другими самцами за право содержать на воле свой табун кобылиц. Шея и тело его было исполосовано многочисленными шрамами. Всем он внушал чувство уважения и страха. Всем своим грозным видом он показывал нам, что он неукротим и нам не поддастся.

Я должен был настроиться к предстоящей схватке с «Бешеным», так окрестили мы жеребца, и поэтому отложил «родео» на пятый день.

И вот наступил кульминационный пятый день... Было пасмурно. Тяжёлые тучи низко неслись над необъятной тундрой, предвещая плохую погоду. Снег в низине изрядно подтаял и был мокрым.

Володя подвёл ко мне «Бешеного», который от возмущения не

мог стоять на месте и нервно перебирал ногами. На его морде было две уздечки. Одна кожаная кавалерийская с железными удилами. Другая изготовленная кустарно из толстой льняной верёвки с длинным до 15 метров поводом на случай моего падения, чтобы потом поймать жеребца. Я посмотрел в глаза коня и увидел, что они от бешенства стали красными, злость и ненависть прямо кипели в них.

В душе медленно поползла волна страха, который я попытался подавить. Но, видимо, безуспешно, и «Бешеный» это инстинктивно почувствовал. Он никак не давал мне сесть в седло, резко поворачивался ко мне задом и бил ногами и один раз даже слегка задел меня. Я разозлился, чего нельзя было делать.

...Наездник должен быть хладнокровным и спокойно анализировать обстановку и движения лошади. Горячность затуманивает сознание, и ты поневоле делаешь ошибки, которые чреватые тяжёлыми последствиями. Что и произошло со мной.

Я крикнул Володе, чтобы коня прижали к деревянной изгороди и с неё резко прыгнул в седло.

«Бешеный» от неожиданности шарахнулся в сторону, и я как из катапульты вылетел из седла прямо под ноги лошади... Жеребец в ярости попытался затоптать меня своими мощными копытами. Не знаю каким чудом, но я как обезьяна на четвереньках мгновенно выскочил из-под его мелькающих ног и отскочил в сторону. На мне не было ни одной царапины... Видимо мой ангел-хранитель не захотел отдавать меня на растерзание этому дьяволу.

Как мне потом рассказывали, деревенские жители, видя, как бешеный конь топчет меня копытами, просто онемели от ужаса и потом долго отходили от шока.

«Бешеный» попытался сходу налететь на меня, но мой верный друг Володя, схватив за длинную верёвку уздечки, сдержал его мощный порыв и притянул жеребца к изгороди.

После пережитого стресса у меня пропало всякое желание объезжать норовистого жеребца. Я сказал Володе, что будем его использовать вначале как вьючную лошадь, а там посмотрим кто есть кто.

Про себя я решил, что в пути к оленеводческим стадам я всё равно укрощу это гордое и достойное животное, что бы мне это не стоило.

...В Колымском жители целую неделю только и обсуждали наше «цирковое шоу».

Авторитет мой чрезвычайно вырос, а рейтинг, как молодого управляющего, поднялся сразу на несколько пунктов.

Сейчас, по прошествии десятков лет, я с гордостью вспоминаю об этом «экстриме» и даже удивляюсь своему упрямству и настырности.

Вот что значит амбиции и неутомимая молодость!

Сейчас, когда я живу в славном граде Питере, одно из моих любимых мест — Аничков мост. Гениальное творение барона П. Клодта, скульптурная группа «Укротители коней», всегда навеивает на меня воспоминания о моем укрощении якутских лошадей.

Приятные минуты в моей памяти оживают, и молодецкая кровь опять бурлит в моих потрёпанных венах.

Уже потом, гораздо позже, я узнал, что есть самый эффективный и безопасный способ укрощения «дикарей» — **геологический.**

Геологи перед выходом в «поле «зарывают в землю четыре деревянных столба с двумя перекладинами на боках, подобно увеличенных школьных гимнастических брусьев. Ставят между столбами дикую лошадь. Затем на длинных широких ремнях, просунутых ей под брюхо, через перекладины поднимают животное на метр от земли.

Барахтающейся и бьющей копытами по воздуху лошади дают немного успокоиться. Потом её седлают, и наездник запрыгивает в седло.

Буквально полчаса лошадь бьётся в воздухе, извиваясь под человеком, затем выдыхается и висит спокойно, привыкнув к его присутствию. Коллеги геолога осторожно опускают на ремнях лошадь на землю, и она без выкрутасов спокойно идёт, выполняя команды наездника. Всего два часа требуется для укрощения строптивых копытных. Здорово!

На следующий день мы стали собираться в далёкий путь к побережью Восточно-Сибирского моря, где летовали наши восемь оленеводческих стад.

Мы запланировали каждому стаду передать по две лошади. Три лошади оставили себе с Володей для работы. Проводником взяли бригадира-наставника Н.А. Дьячкова, потомственного оленевода,

знающего тундру как свои пять пальцев и обладавшего прекрасным чувством юмора. Обо всех событиях, которые происходили в его трудной жизни кочевника Николай Андреевич рассказывал со смехом и доброй улыбкой. Его многочисленные рассказы, сопровождаемые общим хохотом, сокращали время в пути.

На всех лошадей навьючили продукты для оленеводов, свои вещи и рано утром мы тронулись в путь.

Аргиш¹ из 19 разномастных лошадей представлял из себя внушительное зрелище.

В первый день наметили пройти 30 км и заночевать в охотничьей избышке у озера Сегодня. Такое название озеро получило от картографов, которые целые сутки добирались до него. Местный проводник на вопрос геодезистов: «Когда мы дойдём до этого озера?», кратко отвечал «Сегодня».

Правильно говорят на Севере: «Никогда ничего не планируй и заранее не гадай!».

... Проблемы в нашем караване начались сразу после того как мы прошли полосу мелкого тальника и вышли на необъятную и величественную тундру, залитую по колено весенними талыми водами. У всех из нас на ногах красовались болотные сапоги, без которых обойтись в тундре нельзя. Как мне однажды говорил откровенно один уважаемый оленевод-чукча: «За то, что русские изобрели болотные сапоги, им большое оленеводческое спасибо. А за изобретение смертоносного атомного оружия мы их осуждаем!»

В то же время большинство оленеводов из-за постоянного ношения летом резиновых сапог, страдают хроническим ревматизмом и переходят в старости в разряд инвалидов.

... Пройдя не более 5 км, одна каурая кобылица вдруг остановилась и медленно легла прямо в холодную воду, закатив глаза. Мы быстро спешили. Освободили лошадь от груза и седла. Больших усилий стоило её поднять и перевести на небольшой сухой заочкаренный бугорок, где она опять повалилась на бок. Видимо стресс, плохое кормление и нервное истощение так сильно отразились на её здоровье.

Целый час мы пытались её поднять, но безуспешно. Тогда приняли решение оставить её одну, авось отдышится и догонит нас.

---

¹ Аргиш — караван из оленьих упряжек.

Мы знали о том, что лошадь умное и стадное животное и обязательно найдёт свой табун. Действительно, через два дня она нас догнала.

Мы продолжили свой путь. Двадцать мучительных часов мы шли по болоту до озера Сегодня. Не доходя каких-то двух километров до виднеющейся на берегу озера избушки, внезапно зашатался и стал медленно валиться на правый бок «Бешеный». Тело его билось в страшных конвульсиях, которые прекратились только через несколько минут. Нам было жалко смотреть на это измученное животное, пережившее в эти дни сильнейший нервный шок.

Благо мы уже достигли сухого места на возвышении. Развьючили жеребца и привязав его за кочку, продолжили своё путешествие. Прибыв к избушке, расседлали лошадей, завязали сыромятной кожей им передние ноги, чтобы они не ушли далеко и отпустили пастись.

У озера было полно разнотравья и сочной осоки — любимого корма лошадей. Вокруг нас была первозданная тишина, изредка прерываемая криками куропаток.

В небольшой старенькой, почерневшей от времени и полярного солнца, избушке, сложенной из лиственничных брёвен, быстро растопили печь, изготовленную из круглой железной бочки, вскипятили воду в чайнике, заварили чай со сгущёнкой и плотно поели. Затем легли спать.

Я улёгся на одних нарах, Николай Андреевич с Володей разместились на других.

Было далеко за полночь. Светило полярное солнце, не заходящее летом за горизонт. На улице было светло, как днём. Мы, занавесили мешком единственное маленькое окошечко и провалились в глубокий сон.

Вскоре я проснулся от кошмарного сна. *Какой-то высокий старик-чукча, с длинными седыми развевающимися при ходьбе волосами, одетый в белое нижнее бельё, с недовольным лицом подошёл ко мне и молча двумя руками стал сбрасывать меня с нар.* Окончательно проснувшись, посмотрел, как мирно спят мои товарищи, подумал: «Надо же такому присниться!». Выпил кружку чая. Посмотрел на часы. Спал я всего 30 минут. Опять лёг на нары. Только закрыл глаза, и опять этот УЖАСНЫЙ старик стал сталкивать

меня с нар. Открываю глаза — никого. Только закрываю глаза — и тут же появляется этот неприветливый чукча.

Необъяснимый страх овладел мной... схватив свой спальник, я выскочил из избушки и, отойдя метров на 500, лёг прямо на траву и спокойно уснул.

Утром проснулся от криков своих товарищей, потерявших меня.

Мы плотно позавтракали и стали ловить лошадей, которые за ночь отдохнули и изрядно насытились сочной травой.

Недалеко от избушки я обнаружил какой-то небольшой холм с воткнутым в него трёхметровым деревянным шестом от яранги, черно-коричневого цвета и отполированным до блеска. В самом верху шест был заострён.

Я спросил у Николая Андреевича, что это значит. Он тихо и сдержанно произнёс: «Это — могила знаменитого чукотского шамана Мельгейвача».

О силе этого шамана я читал в повести талантливого колымского писателя С. Курилова «Ханидо и Халерха». Я буквально зачитывался этим произведением.

И понятным было моё изумление, когда я увидел воочию могилу этого знаменитого «белого шамана».

Я спросил Дьячкова: «Какой он был обличьем?». Николай Андреевич подробно обрисовал мне моего ночного пришельца. Я был потрясён и почему-то шёпотом, рассказал ему, почему я был вынужден ночью покинуть избушку.

Старый оленевод моему рассказу не удивился. Он сказал следующее: **«Человек, который впервые переступает порог любого дома по чукотским традициям должен попросить у хозяина (духа) разрешения войти и переночевать и обязан оставить у порога небольшое вознаграждение за приют в виде нескольких папирос, денег или еды. Мы забыли тебя об этом предупредить. Извини нас за это!».**

Белый (т.е. хороший, доброжелательный) шаман Мельгейвач уже при жизни пользовался непререкаемым авторитетом среди чукчей и юкагиров. Он лечил камланием больных, предсказывал будущее и вообще был мудрым шаманом. Слава о нём разнеслась далеко за пределами Колымы. **НО БЫЛИ НА КОЛЫМЕ И ЧЁРНЫЕ (ЗЛЫЕ) ШАМАНЫ, КОТОРЫЕ ПОЛЬЗОВАЛИСЬ ДУРНОЙ РЕПУТАЦИЕЙ И КОТОРЫХ ЧУКЧИ ОЧЕНЬ БОЯЛИСЬ, ТАК КАК ТЕ МОГЛИ**

НАВЕСТИ ПОРЧУ НА ЛЮДЕЙ И ОЛЕНЕЙ. Шаманы между собой враждовали. К счастью для населения от злых чар чёрного шамана всегда освобождал добрый белый шаман.

Впоследствии я несколько раз по работе проезжал мимо этой избушки, но никогда в неё не заходил. Одного раза неподдельного ужаса мне хватило на все 7 лет моего пребывания на Колыме.

Я верю в то, что человек не подвержен смерти как физическому явлению, просто он после угасания своего земного тела переходит в более высшую степень — духовную. Я видел в своей жизни много научно необъяснимых загадочных явлений, подтверждающих это моё заключение. Наши сны — это проводники общения с потусторонним миром, который существует в ином измерении. Вот и моё пребывание в избушке, где поселился дух шамана, тому подтверждение. Нас на брэнной Земле оберегают свои небесные ангелы-хранители. Как правило, ими становятся наши ближайшие родные — мамы, папы, бабушки, дедушки и т.д.

... На Камчатке, где я работал в госпромхозе «Пенжинский» после окончания института, однажды зимой я поехал в эвенское село Оклан для выдачи зарплаты охотникам и работникам пошивочной мастерской. Мне выделили комнату в гостинице метеостанции. Вечером меня пригласили в гости к начальнику механизированной колонны, которая производила ремонтные работы дизельных электростанций в селе.

... Было уже поздно, и я собрался уходить, но гостеприимные хозяева меня не хотели отпускать и предложили переночевать в шоферской.

Шоферская представляла собой отдельную квартиру, состоящую из трёх комнат и кухни, где отдыхали прибывшие с рейсов водители большегрузных машин и трактористы. Как только я разделся, лёг на кровать и приготовился уснуть, как ясно услышал вверху под потолком отчётливый мужской голос, который строго произнёс: **«Коля, быстро одевайся и уходи отсюда»**. Я подумал, что я ослышался. Тогда тот же голос настойчиво повторил те же слова.

Нет я не испугался, почему-то я как-то подсознательно, на генном уровне понял, **что это кто-то из моих добрых ангелов предупреждает меня об опасности.** Интуитивно почувствовал, что

это мог быть мой дедушка Кузьма или кто-то из прадедушек казацкого сословия. Слова произносились по-военному чётко и в то же время с нескрываемой любовью и тревогой.

Я быстро оделся и вышел.

На улице была полярная ночь. Кругом темнота, хоть глаз выколи. Мороз с ветром и температурой за -30 заставили меня путь до метеостанции проделать бегом. В комнате разделся и провалился в глубокий сон.

... Наутро узнал страшную новость. В той шоферской *приезжие трактористы, рассорившись, зарезали двух человек, отдыхавших в ней*. Возможно, беда могла случиться и со мной. Я в силу своего характера обязательно стал бы разнимать дерущихся и возможно попал бы им под горячую руку...

С этого времени я стал по-другому относиться к себе и людям. Более ответственно. Ведь теперь я знал, что за мной с небес наблюдают и стараются мне помочь мои любимые предки, которых я не тмею право огорчать и предавать. Почему-то я знал, **что они верят в меня, хотят, чтобы я был хорошим и справедливым человеком и оставил, как и они, на Земле свой добрый след.**

... Утро было замечательное. Ласково светило колымское солнышко. Небольшой белёсый туман расстилался над озером. То здесь, то там в стеклянной тишине на озере протяжно кричали полосатые гагары. Я в одиночку направился к оставленному накануне «Бешеному».

... Жеребец сиротливо стоял посреди бескрайней тундры, понурив голову. От бывшего его величия не осталось и следа.

Мне его стало по-своему жаль. Подойдя, я без слов отвязал его от кочки и спокойно сел на него. Он покорно позволил мне управлять собой.

Целое лето я проездил на этом сильном и выносливом жеребце. Других, желающих прокатиться на этом дикаре почему-то не находилось. Ему было достаточно свирепо посмотреть на очередного ездока, как у того сразу же пропадало всякое желание кататься.

Ко мне он относился благосклонно и предано. Мы подружились.

... Только на третий день мы привели свой караван в ближайшее к нам стадо №14, где бригадиром был сын Н.А. Дьячкова — Андрей.

Оставили им в помощь две лошади. Вскоре обеспечили лошадьми все наши стада. Это было большое подспорье оленеводам в их трудной и ответственной работе. Лошади всегда были рядом с ярангой, и в любую минуту на них можно было поехать и вернуть отколовшихся оленей.

В тот год и в последующие в нашем Колымском отделении потери оленей были незначительными. И наши колымские оленеводы по производственным показателям были признаны лучшими в Якутии. В этом была и небольшая заслуга нас с Володей Рожиным.

Свой рассказ я хочу закончить смешным эпизодом.

В 14-м стаде работал пожилой неунывающий потомственный оленевод Иван Иванович Аханто. Когда мы привели лошадок в стадо, он назавтра прибыл из отпуска.

... С вертолёта сошёл маленький подвыпивший человек с большим коричневым чемоданом, который он еле нёс двумя руками, взявшись за блестящую никелированную ручку. На его тщедушное голое тело было надето длинное чёрное суконное до пят пальто, видимо снятое с чужого плеча. На голове красовалась огромная замызганная тёмно-зелёная фетровая шляпа с широкими полями. На ногах были рваные кожаные ботинки грязно-коричневого цвета, из которых высовывались голые пальцы, так как носков не было и в помине.

Ну просто вылитый персонаж беспризорника из кинофильма «Республика ШКИД»!

Лицо его выражало неподдельную радость и восторженность от встречи с родным коллективом.

Когда вертолёт улетел, Аханто картинно, как циркач раскрыл чемодан, который до верху был заполнен бутылками водки, и началось всеобщее гулянье.

На вопрос как и где он провёл отпуск Иван Иванович степенно ответил: «Совхоз мне выделил путёвку в сочинский санаторий, подлечить ревматизм. Но я добрался только до Черского и там с друзьями долго отмечал свой отпуск, пока не кончились деньги. Отдохнул отлично! Пора за работу!» и тут он увидел наших лошадей. Сделав умиленное лицо, он подошёл к ним пьяной походкой и стал гладить их морды, приговаривая, «Милые, хорошие ло-

шадки!», а затем неожиданно бесстрашно пролез под животом одной лошади, чтобы погладить стоящую рядом. Мы и ахнуть не успели.

Назавтра, протрезвев, он на наши просьбы покататься на лошади, со всей серьёзностью заявил, что он с детства боится лошадей и не то, чтобы прокатиться, но и ближе, чем на 10 метров к ним не подходит. Когда ему рассказали, что он вчера пролез под дикой лошадью, он нам не поверил. И мы его в этом не смогли убедить.

На этого человека невозможно было смотреть без улыбки. Добродушное его лицо природного чукотского комика всегда излучало радость и добро.

А оленевод он был от Бога!

Я поездил по многим оленеводческим хозяйствам Якутии, был среди оленеводов Корякского округа, Чукотки и могу со всей ответственности заявить, что **самые выдающиеся оленеводы трудятся в совхозе «Нижнеколымский».**

На Колыме я провёл лучшие годы своей молодости. Здесь остались мои верные и надёжные друзья. И я навсегда полюбил просторы необъятной и прекрасной во все времена года Халарчинской тундры, где сегодня привольно бродят потомки подаренных мне в день моего 30-летия восьми белых важенок, которых я оставил своим друзьям-олeneводам ввиду отъезда в Оймякон на новое место работы и величавую своенравную реку Колыму, богатую отличной жирной рыбой.

Это всегда в моей памяти и в моем сердце!..

Н.Н. Габышев
Сентябрь 2013 г
Санкт-Петербург